

WE STAND WITH UKRAINE!

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ВРЕМЯ

2 (34) 2025

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 2 (34) 2025

Бостон
2025

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(ФРАНЦИЯ)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(ГЕРМАНИЯ)
МАРК ВЕЙЦМАН	(ИЗРАИЛЬ)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
МИХАИЛ МИНАЕВ	(США)
АЛЕКСЕЙ НИКИТИН	(УКРАИНА)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(АНГЛИЯ)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(ДАНИЯ)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

Published by **M•GRAPHICS** | Boston, MA

ISSN 2575-9558

Copyright © 2025 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For obtaining permission to reproduce selections from this publication
email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778
or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Как и в предыдущие годы, наш журнал выходит в свет примерно в середине первого месяца каждого квартала. Нашим подписчикам журнал будет рассылаться непосредственно из типографии. С 2024 года журнал выпускается также и в электронной версии (формат ПДФ), рассылаемый подписчикам этой версии по электронной почте. Подписаться на журнал (как печатную, так и электронную версии) можно в любое время до выхода последнего в году осеннего номера.

Важное изменение также коснется версии журнала, выкладываемой на нашем сайте. **С текущего 2025 года полную версию выпусков смогут читать только подписчики журнала.** Все остальные смогут ознакомиться на сайте только с содержанием журнала и короткими отрывками из некоторых его материалов. Для чтения полной версии журнала нужно будет либо подписаться, либо приобретать отдельные выпуски года — по ссылкам, расположенным на сайте в разделе **АРХИВ НОМЕРОВ**.

Подробная информация о подписке на журнал — на нашем сайте:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА

Сотрудникам редакции журнала и издательства M-Graphics, готовящим журнал к публикации и печати, всегда важно знать, что о журнале думают его читатели, нравятся ли им публикуемые материалы и их подбор, а также оформление журнала.

Ваши отзывы о публикуемых материалах помогут другим читателям обратить внимание на те публикации, которые они по каким-то причинам пропустили и, возможно, послужат начальным толчком в написании своих отзывов на острые полемические материалы.

Мы также просим вас **сообщать нам о всех случаях** неполучения журнала или его поздней доставки. К сожалению работа почтовой службы по-прежнему оставляет желать лучшего, но мы принимаем все доступные нам меры по исключению таких досадных сбоев.

<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-editor>

<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-publisher>

ПОПРАВКА

К нашему сожалению, в содержании и тексте предыдущего номера журнала допущена ошибка в имени Виктора Рашковича.

Приносим искренние извинения нашему постоянному автору.

СОДЕРЖАНИЕ

IN MEMORIAM

Давид ГАЙ <i>ПАМЯТИ ИГОРЯ ШИХМАНА</i>	6

ПРОЗА

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН <i>АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИИ</i>	9

Алик ТОЛЧИНСКИЙ <i>РАССКАЗЫ</i>	20

Амин АЛАЕВ <i>ФАМИЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ</i>	39

Михаил ВАЙСКОПФ <i>ПРОПАЩАЯ ГРАМОТА</i> (главы из книги)	61

ПОЭЗИЯ

Олег МАКСИМЕНКО	31

Марк ВЕЙЦМАН	78

Борис КАМЯНОВ	91

Лия ЧЕРНЯКОВА	178

Нина ГЕЙДЭ	251

ИМЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ

Ольга КУЧКИНА <i>ВОТ АНГЕЛ ПРОЛЕТЕЛ</i> (маленький роман)	101

ВОЙНА В УКРАИНЕ

Игорь РОТАРЬ <i>«МЫ НЕНАВИДИМ ВСЁ РУССКОЕ...»</i>	135

И УМУ, И СЕРДЦУ

Татьяна ШЕРЕМЕТЕВА <i>АФОРИЗМЫ</i>	165

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Лев ХАЛИФ

«ИЗ ЧЕГО ТВОЙ ПАНЦИРЬ, ЧЕРЕПАХА?»... 148

ДАТЫ

Ксения ГАМАРНИК

КОВЧЕГ ДАРРЕЛЛА 184

ПЕРЕВОДЫ

Вислава ШИМБОРСКАЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ (в переводах Елены Катишонок) 196

Тонино ГУЭРРА

ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ 210

Александр РУДКЕВИЧ

ПЕРЕВОДЫ С ИВРИТА 246

РЕЦЕНЗИИ

Татьяна ШЕРЕМЕТЕВА

ЛИНИИ РАЗЛОМА (о новой книге Гари Лайта «Саганаж»). 259

Людмила ГОЗУН

НЕЗАМКНУТЫЙ КРУГ 267

АРИАДНОВА НИТЬ НИНЫ КОСМАН 272

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Владимир ФРУМКИН

ВОЖДЬ БЫЛ ПЬЯН И СЛОВООХОТЛИВ 279

Марина ГРОДЗИЦКАЯ

ЩЕДРОЕ ЛЕТО 286

Татьяна РАЗУМОВСКАЯ

ВЕХИ ПАМЯТИ 298

Давид ГАЙ
ПАМЯТИ ИГОРЯ ШИХМАНА

Близкие и друзья проводили в последний путь Игоря Шихмана — мужа, отца, деда, бизнесмена, литератора, издателя. Создателя журнала ВРЕМЕНА, который вы сейчас держите в руках. Тогда, в 2007-м, он получил название «Время и место».

Игорь — одессит по рождению, москвич по проживанию в России, иммигрант, свивший гнездо на Стейтен Айленде (Нью-Йорк). И мой друг долгие годы.

Мы были знакомы до эмиграции, но семьями в Москве не общались. Объединяли нас профессиональные интересы: Игорь четверть века проработал в центральной газете «Советская торговля», я — столько же, даже чуть больше — в «Вечерней Москве». По-настоящему сблизила нас эмиграция. Именно здесь, в жёстких условиях выживания, и проходят люди проверку на стойкость и на порядочность, именно здесь разрушаются иллюзии, лопаются нити, прежде сблизившие считавшихся друзьями, жён и мужей, братьев и сестёр и т.д. Но именно здесь укрепляются отношения, которые потом не разорвать, не разять.

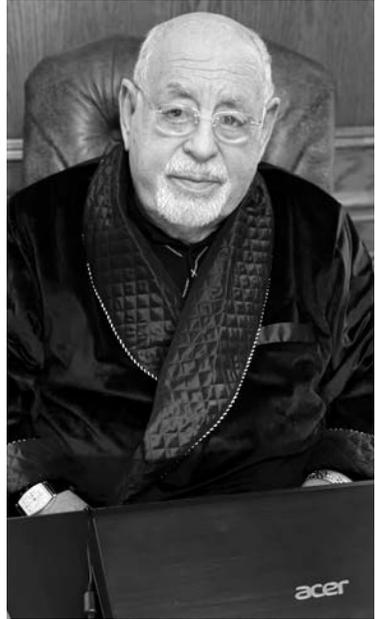
Игорь прошёл проверку на человеческую прочность. И подводя итог, могу с полным правом сказать: я многим ему обязан, о чём буду помнить до конца дней.

В Америке он оказался на четыре года раньше меня. Осел в Нью-Йорке, поработал фрилансером в русских изданиях, потом занялся бизнесом, а я соединился с семьёй в калифорнийском Сан-Диего. Бизнес у Игоря шёл отлично, был связан с торговлей в странах СНГ, однако и риск был велик. Те самые 90-е с разгулом бандитизма, заказными убийствами... Как-то Шихман поведал, как час простоял на шоссе под дулом автомата... Слава богу, обошлось...

...Газета «Еврейский мир» пригласила меня в качестве редактора. Я собрал два чемодана и отправился во вторую эмиграцию — на сей раз в Нью-Йорк. Я позвонил Игорю, он немедленно предложил пожить у него,

дал несколько дельных советов по части обустройства. Я поблагодарил, но предпочёл снять студию в Квинсе, откуда проще было добираться до Манхэттена, где тогда располагалась редакция.

Через некоторое время он попросил опубликовать беседу с тогдашним мэром Одессы Эдуардом Гурвицем. Я с благодарностью откликнулся — интервью с евреем, занимающим высокий пост в Украине, как нельзя лучше соответствовало профилю нашего издания. К слову сказать, Гурвиц поддержал переименование переулка в улицу Шухевича, сказав: «Мы переименовали переулок Грибоедова в улицу Шухевича — врага КГБ, который сражался с кагэбэшниками в Западной Украине. И теперь наша СБУ находится на углу Шухевича и Еврейской.» (Отмечу, что во время «Оранжевой революции» 2004 года он примкнул к её сторонникам. Был неоднократно замечен на сцене Киевского Майдана, где стоял рука об руку с другими лидерами революции).

Я прислал Гурвицу вопросы, он ответил, беседа вскоре вышла в свет. Игорь остался доволен и неожиданно попросил мои банковские реквизиты. Я удивился, зачем? «Так надо» — коротко ответил Шихман, ничего не объяснив. Каково было моё изумление, когда мой скудный банковский счёт пополнился круглой суммой 5 тысяч долларов. Я сообщил Игорю. «Отлично! Это твой личный гонорар. Гурвицу беседа очень понравилась, и он счёл необходимым отблагодарить тебя».

В этом весь Шихман — он стремился помогать людям, когда имел возможность. Его внимание и заботливость я ощущал неоднократно. Как и многие другие.

...Именно с ним я поделился идеей создать «толстый» литературный журнал, где могли бы печататься пишущие по-русски литераторы-иммигранты не только США. Мой друг зажгётся идеей и вызвался субсидировать проект. Это были немалые деньги, но Игорь смело шёл на личные траты во имя дела, которое считал полезным и нужным. Так в 2007 году появился журнал «Время и место». Игорь стал издателем и главным редактором, я — его замом.

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИИ

ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

Скоростная дорога петляла среди холмов Калифорнии. Было время ланча. По самодельной карте, нарисованной для меня знакомыми, в обозначенном месте должна была наметиться индейская тропа, на которую я мог бы свернуть и проехать в горы. Но в нужном месте я её не нашёл, хотя разворачивался раза три. Наконец я решил, что это не времена Майн Рида, и современные компьютеры укажут направление и выведут на путь-дорогу. Но ничего подобного не произошло. Встречные редкие машины на такой бешеной скорости не останавливались. И я решил, что надо искать какого-нибудь, подаренного судьбой, хутора. Миль через десять замаячила высоченная, разлапистая липа, а под ней добротное сколоченное огромное, типа караван-сарая, помещение. Тут-то мне и следовало остановиться и узнать местную географию.

Затормозив, я медленно подъехал, припарковавшись, к одноэтажному, сбитому из брёвен, строению. И обнаружил, что почти у самой дороги стоит большой стол-лоток и щит, на которых были разложены и развешаны самодельные сувениры из драгоценных и полудрагоценных металлов. Человек, занимавшийся торговлей, сидел на лёгком алюминиевом стульчике в тени дерева. Когда я подъехал, он встал и вежливо приподнял элегантную соломенную шляпу. Продавец поздоровался лёгким кивком головы, улыбнулся и молчаливо ждал, когда я подойду поближе.

Человек был лет шестидесяти, одет довольно скромно, но со вкусом: костюмные поношенные брюки, ковбойский ремень с красивой бляхой и вправленная белоснежная рубашка. Видно было, что он поддерживает свою спортивную форму в хорошем состоянии. Лицо было англо-саксонское, большие выразительные глаза, утяжелённый подбородок и свободная американская манера общения. Человек он непростой, — подумал я, — и, видимо, отшельник в этих краях. После первых

же нескольких фраз, я с удивлением обнаружил у продавца сувениров прекрасный британский английский и спросил:

— Вы из Бостона?

— Да, — он даже не удивился вопросу.

— Гарвард? — не унимался я.

— И MIT в придачу, несколько лет — совместная программа. Я наполовину гуманитарий, наполовину технарь. И вот застрял здесь на всю жизнь... Пишу теоретические статьи по физике.

Мы рассмеялись как заговорщики. Он представился, его звали Скот.

— Я читал в Бостоне несколько лекций по современной русской литературе, — не удержался нескромно заметить я.

— Надеюсь, не на русском языке? — у него моментально прорезался английский юмор и ирония, и он уловил мой славянский акцент, — затем сразу же продолжил, — кого вы любите в современной американской литературе?

— Аллена Гинзберга. Хотя он и американский поэт, но его папаша был из Львова, а мама забеременела им во Львове, где я вырос. Значит, он львовянин!

Мы опять рассмеялись.

— А ещё кого? — не унимался он, было видно, что разговор ему нравится.

— Ну, хотя бы Сюзен Зонтаг... Её предки тоже то ли из Польши, то ли из Литвы... Кстати, я редактировал её эссе в моём журнале, переведённое на русский язык.

Тут я уже, кажется, переборщил со знаменитыми именами из своей бывшей родины. Но собеседник не смутился.

— Поверьте, я хорошо отношусь к России, и, в частности, к русской литературе, но, к сожалению, Титаник так некстати утонул вместо вашей Авроры, не так ли? Кто-то мне сказал, что грешные россияне после смерти снова попадают в Россию...

— Через Аляску и Калифорнию?

— Хозяйка этого заведения расскажет вам об этом интересную историю. А вот эти сувениры я изготавливаю сам. Посмотрите, может быть вам что-то и понравится.

— Я к вам вернусь, — напомнил я и направился ко входу в каравансарай.

— А сами вы откуда? — услышал я вослед. — Небось из города ангелов! Лос-Анджелеса? Под боком.

— Нет, я из города архангелов, — отшутился я. — Архангельска... Я там родился, а потом семья переехала во Львов.

Алик ТОЛЧИНСКИЙ

РАССКАЗЫ

РЕКА ВРЕМЕНИ

Максим познакомился с супругами Шоенберг в 1973 году в первое их посещение России. Они решили составить компанию в турпоездке двоюродному брату его жены (кузену, если говорить проще), который отважился на это приключение вместе со всей своей семьёй, включая родителей и троих взрослых сыновей. Наши доблестные органы тогда зорко следили, чтобы зарубежные родственники не слишком уставали от личного общения с советскими братьями и сёстрами; поэтому в течение двух недель гостям предписывалось посетить несколько городов, растрясая остатки американского жирка на ужасных российских дорогах. И всё-таки советской родне удалось устроить три большие пьянки, которые американцы эвфемистично называют *party* — оно и понятно, — у них на таких сходках (тусовках) пьют Пепси-колу или Джинджер, а у нас подавляющее большинство потребляет водку. Используя в основном язык жестов и мимику, русские упоили всех американцев, кроме престарелых родителей, и упились сами.

Ясно, что в таком состоянии все были предельно откровенны друг с другом. Шоенберги оказались на редкость симпатичными людьми. Его звали Карл, её — Анна. Их предки в начале двадцатого века приехали из Германии. Карл преподавал музыку, а она была учительницей литературы в обычной школе. По части литературы русские, конечно, были подкованы на все сто, и Максим с женой — часть очень большой московской семьи — вцепилась в гостей мёртвой хваткой. После выпитой поллитровки все пришли к одной, но очень важной мысли: надо уезжать отсюда и как можно скорее. С мужской, окосевшей точки зрения, Анна выглядела шикарно. Блондинка с ярко-синими глазами, длинноногая и подтянутая, одним словом, — фотомоделль, как сейчас говорят про таких женщин. Пока русские пили, американцы всё время их фотографировали со всех углов, однако Максим при-

метил, что Карл предпочитал снимать свою жену в разных ракурсах отдельно от всей группы. Он не преминул тут же сообщить об этом Анне на ушко. «О, это его хобби с первых дней нашего знакомства», — весело отмахнулась она.

Через три года визит американцев повторился, но на сей раз приехал только кузен со своей родной сестрой. Дети их учились в разных колледжах, да к тому же одного посещения им хватило вполне. Наши турфирмы предлагали всё тот же джентельменский набор — Москва-Кремль, Ленинград-Эрмитаж и путешествие по Золотому кольцу с дрянным обслуживанием в гостиницах и несъедобной пищей в ресторанах, куда никогда не подвозили фруктовых соков. Опять собралась вся московская родня, молодое поколение с энтузиазмом распило три здоровенных бутылки «Сибирской» водки, которую американцы купили в «Берёзке», все много шутили и много смеялись, переводили на английский политические анекдоты, которые и на русском уже навязли в зубах, как и все разговоры про идиотизм советской власти.

— А как поживает семья Шюенберг? — спросил Максим. Кузен нахмурился. — «Анна погибла месяц назад в автокатастрофе». — «Майн Гот! — воскликнул Максим, мгновенно позабыв английский. — Как это случилось?» Случилась банальная история. Ехали с пикника вечером в воскресенье, встречная машина ослепила Анну, и она потеряла ориентацию. Машина влетела в кювет. Всё. Карл отделался переломом ключицы. Однако его душевное состояние внушает глубокое беспокойство. Наверное, его поместят в клинику неврозов, если не в психушку...

Река московской жизни продолжала течь в прежнем русле. Через двенадцать лет Максим съехался с тещей в большую четырёхкомнатную квартиру, где американский кузен посетил их проездом. Он направлялся в Бухару и Самарканд в одиночку. В нашей стране как раз началась перестройка, и все, кроме КаГЭБэшников, как последние идиоты, радовались тому, что теперь можно читать всё-всё-всё, совершенно не предполагая, что вскоре нам всем будет нечего жрать. Пришедшие к власти демократы во главе с сильно пьющим президентом не имели никакого опыта управления огромной страной. Они не понимали главного в нашей удивительной плановой экономике — какими пружинами и какими клапанами она приводится в действие? На самом деле, стране был необходим новый НЭП, но с сохранением прежних государственных структур, которые кое-как справлялись с беспрестанно возникающими провалами и поддерживали элементарный порядок.

МАЛЕНЬКИЙ РАССКАЗ О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

Сеня Пинскер роста был небольшого. Скрипка сузила и без того неширокие плечи музыканта. Из отличительных черт была у него необыкновенно густая, чёрная в синеву щетина, которую он брил два раза в день. Нос был некрупный, картошкой, а вот глаза были ярко-голубые. Выпуклые ярко-голубые глаза.

Наш Харьков — город довольно большой. Харьковчане не забывают, что был он некогда столицей Украины. Поезд, везущий москвичей из столицы в Сочи, обязательно останавливается в Харькове. Город настолько велик, что в нём есть своя увесистая прослойка интеллигенции. Это те, кто работает в основном головой и любит художественную литературу. Вот, к примеру, мой приятель Яша Гринберг приехал как раз из Харькова поступать в Московскую консерваторию по классу скрипки, но не прошёл по конкурсу и потому стал учёным-химиком, доктором наук. Потом он уехал в Иерусалим, где работает по контракту и ждёт, когда его выгонят по старости. Тогда он возьмёт жену и чемодан тряпок и поедет стариться к сыну в Чикаго. Видите, какие люди выросли в Харькове!

В отличие от моего приятеля Сеня Пинскер состоялся как скрипач, хотя и не поступал в Московскую консерваторию, а окончил Харьковскую и в то время работал в филармоническом оркестре второй скрипкой.

Общество, в котором он появился впервые, состояло из учителей, врачей, вообще людей, любивших читать книжки. Одна из его знакомых была общественным распространителем литературы, и в её задачу входило всунуть покупателю с дефицитом заодно пачку партийно-воспитательной дури, на что многие шли с охотой, потому что в те времена ещё существовала учёба на манер политпросвета и некоторым, особенно партийным, приходилось иногда выступать с докладами.

Однажды появилась в их интеллектуальном собрании девушка Вероника, ну очень красивая, высокая, под метр семьдесят, волосы золотые, глаза серые с зелёной искрой, талия тонкая, рот большой, с блистающими белыми зубами. Оказалось, что высшего образования у неё нет, а работает она после окончания торгового техникума старшим продавцом в одном из крупнейших книжных магазинов. Естественно, что люди к ней потянулись. Но Сене её книжки были ни к чему. Сене нужна была она сама. Ничего не поделаешь. Любовь с первого взгляда. Шансы у него, прямо скажем, были никакие. Тем более, что в кругу своих подруг она говорила, что евреи ей несимпатичны. Здесь же, на интеллигентных ве-

черях она предпочитала молчать и сдержанно улыбаться. Она охотилась за баранчиком пожирнее и не торопилась. В ближайшем окружении ей равных не было. Вы спросите — почему? Да потому что к этому времени подоспела эпоха мини-юбок. Скрывать Вероникины ноги природа была уже не в состоянии. Сильные, длинные, гладкие, смуглые. Они радовали, озадачивали и звали мужчин. Они печалили смотревших в зеркала женщин и постоянно заставляли сравнивать несравнимое...

Интеллигентная публика была хитра и наблюдательна. Увидев, как бедный Сеня мается (Сеню они знали не первый год), они решили способствовать его счастью и по возможности оставлять их наедине. Так что спустя месяца три Вероника, к досаде своей, обнаружила, что ходит туда общаться с каким-то еврейским недомерком, который ест её глазами и ухаживает в поте лица.

После умных разговоров и остроумных анекдотов в интеллигентном окружении, после фортепиано или скрипки, или того и другого вместе, общество подружек с громогласными и похабничающими хахалями ей совершенно обрыдло. Однако к мужикам её тянуло, как королевскую аналогостанку к помойке, и противиться инстинкту она не могла. Сколько раз она налетала на аборт, не сосчитать, но это было её сугубо личным и тайным, а в глазах влюблённого Сени золотая монета не тускнела, а лишь сияла всё ярче, всё обольстительнее. Как только она входила в гостиную, он без стеснения впивался в неё глазами. И не отводил их, и не отходил до самого конца вечера. Если её приглашали танцевать, он либо отвечал «Не разрешаю» на просьбу «Разрешите?», либо если её всё-таки удавалось увести, подходил к танцующей паре и со словами «Позвольте вас разъединить!» уводил Веронику на место. Однажды вечером он пошёл провожать Веронику, и тогда же у них всё и случилось., но не по её желанию, а от её усталости бороться с его домогательствами. Она его гнала от себя, унижала, всячески доказывала, что он ей не нужен, но его желание обладать ею лишило его гордости. Вся его прошлая, настоящая и будущая жизнь, так аккуратно расставленная по полочкам его родителями, вдруг свернулась в крошечный бессмысленный (без Вероники) комочек, в том числе и предстоящие скрипичные концерты. И вот, из-за того, что без этой женщины всё в жизни обесценивалось совершенно, даже сама жизнь, Сеня смог выиграть битву за своё право любить и обладать.

В один из вечеров Вероника принесла гостям восемь томиков Волошина.

— Вы понимаете, мы все здесь свои, и я не могу брать с вас лишнее, но директору магазина деньги сдать надо, не то в другой раз ничего не получим.

Олег МАКСИМЕНКО
Я ИЗ ХРАМА...

ЗАРИСОВКА.НЕТ

Паутина вербует своих мертвецов,
Которые все на одно лицо.
Смыкает ряды в цифровое кольцо.
Истончается кофейное утрецо,
К закату пустеет офисное крыльцо.

Вурдалаки, зомби, прочая нечисть —
Планктон от контор, которых не счесть —
Понарошный бисер на-гора мечет.
Но вот закончились фишки чёт и нечет,
И мертвяки садятся метро на плечи.

Подземка принимает их в тёплую пасть,
Тащит меж склепов, не даёт упасть.
Тасуются козыри, всплывает масть,
Слабеет боссов показушная власть.
Накатывает время упиться всласть.

Ночь — это их настоящее время,
Свободное от выволочек и премий.
Они бредут среди джунглей и прерий.
Бинарная кровь их пьянит и греет,
Жрёт их мозг, дрочит нерв, черепа бреет.

К утру пустеют скелетов глазницы,
И с погостов — смарт тянутся вереницы
Кетцалькоатлей, драконов и прочей птицы,
Поверившей в собственные небылицы,
Чтоб в то же метро обречённо влиться.

БЕСПРИЧИННОЕ
(Просто остались буквы)

Разговаривать с кошкой вошло в привычку.
Выключая работу, пить чай с бадьяном.
Погружаясь в нирвану, затачивать спички.
Бесмысленно, просто так, спьяну.
Глушить тишину «Сплином» и «Білою Вежею».
Читать нарезкой Куркова и Полозкову.
Среди ярких шмоток выбирать бежевый,
Избегая притяжения — женского ли, мужского.
Концентрат одиночества во фляге нести.
Сублимировать волю в чеку от гранаты
И писать свой последний стих
Так, словно здесь навсегда ты.

КРЫМСКИЙ ЭСКИЗ

Отраженье луны чуть колышет в стакане
Недопитый до дна терпкий крымский кагор.
Пьяный бриз притащил как овцу на аркане
Запах туи, полыни, лаванды. Как вор
Отрешённо-смущённо, мохнатою лапой
Незаметно добавил аптечный шалфей.
Их разбавил мелиссой и росною мятой,
В мёд фиалок ночных окунул до бровей.
Битый час ты толкуешь про мелкие склоки
И про горечь забытых, прощённых обид.
А я вижу скуластость татарских пророков,
Конной лавы в степи слышу топот копыт.
В тишине, где инжир наливается соком,
Ты талдычишь опять, что без денег — беда.
А я вижу в оскале ордынцев наскоки,
Чья безумная похоть брала города.
Ты в обиде ушла — ах, прости, — эта лунность,
И в цикадной истоме ворчащий приборой...
Виноват лишь кагор и, пожалуй, безлюдность.

Михаил ВАЙСКОПФ

«ПРОПАЩАЯ ГРАМОТА»

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

ГАЛИЛЕЯ

— Какую свиную отбивную ел я на Фаворской горе! — сказал портъе. — Вспомнишь — плакать хочется. Слышь, солдат, в Иерусалиме нет, видать, таких ресторанов — у вас там сплошной кошер, никакой жизни, одни ортодоксы да чиновники. А здесь, в Галилее, народ добрый, приветливый. Ты вот на меня посмотри.

Он стоял в проёме как весёлая кариатида, подпирая косяк мохнатой рукой; подмышки благоухали деодорантом. Лицо его, оживлённое мелкой асимметрией — намёк на флюс, лёгкое косоглазие, — гармонировало с фасадом этой маленькой гостиницы, правое крыло которой сдвигалось в галилейскую полумглу, поросшую кустами. Запах цветов смешивался с его деодорантом. Сумерки настигли меня в пути, ближайший Солдатский дом находился в часе езды отсюда, в Тверии, а где тут поймашешь попутку! Номер стоил шестьдесят лир, но портъе (старшина запаса, уважавший армию) взял с меня двадцать, пообещав уладить это дело с хозяйкой.

— У нас тут постояльцы не чета тебе — солидные люди, — похвастался он, когда мы поднимались по тёмной лестнице. — На днях гостил профессор, археолог из Университета Афулы, за обедом столько всего нам наплёл! Сказал, совсем неподалёку, в Кфар-Нахуме, Иисус ходил пешком по воде и ловил рыбу руками. А может, гои и врут. Слышь, солдат, оказывается, кого только в нашей Галилее не было — и финикийцы, и греки, и римляне, и хрен знает кто. Это ещё до арабов было. Такую погань тут расковыряли, не поверишь — каменные херы, размером с огнетушитель, только без яиц. Весь край в развалинах — красота! Хочешь — любуйся ихней Венерой или богородицей, не хочешь, посети могилы праведников, благословенной памяти. Я тебе говорю, мы люди радушные, это тебе не ваш Иерусалим.

За что он так взъелся на мой город, я так и не понял. Наверху тоже было темно, сломался выключатель, а окно в конце коридора заслонял

широкий шкаф, стоявший спиной ко мне — прямо у двери в мой номер. Постель, покрытая свежим бельём, симулировала девственность. На стене светилась фотография начальника генштаба (суровый берет, задумчивые глаза, усы военного цвета), а напротив рекламно синел Кинерет в фате утреннего тумана. Торшер произрастал между креслом и письменным столом, пригодным для аграрных мемуаров. На столе пузырилась зелёная пластмассовая ваза с разномастной флорой.

Снаружи к дому сползались холмы, усаженные серебряными валунами, над которыми тяжело кружилось рваное галилейское небо с подтёками заката. С приземистой оливы взлетали вороны, а поодаль, сквозь мглу, нежно розовело иудино дерево. Всё это я уже видел, видел в одном из прежних странствий — и увижу ещё не раз.

Приняв душ, я погасил свет и лёг на кровать, до пружинных судорог заезженную туристскими парочками. Почти сразу меня обступили зыбкие, бессюжетные сны — в них, ликуя, журчала вода, светившаяся изнутри каким-то кобальтовым свечением, пахла травой и влажными камнями — вероятно, смешанный эффект душа и плаката с Галилейским морем. Кто-то бедный и безликий окликал меня — но не по имени, а как-то иначе. Зов был тихий, тревожный, ночная душа спряталась от него в явь — вскоре я проснулся.

Ветер, задрав занавеску, наотмашь бил по окну, в конусе абажура плясала лампочка, и её тени с шуршанием носились по потолку, мешаясь с бликами истлевающей предрассветной луны. Простые киббуцные очи начальника штаба сверкали сухим пистолетным блеском, усы топорщились. По полу, разливая воду, катилась пластиковая ваза с припадочным громоуханием.

А за стеной с озером сквозь шум струились странные и милые голоса. Казалось, переговаривались мать с дочерью, и дочь что-то торопливо и сбивчиво рассказывала, а та перебивала её восклицаниями, — весёлое недоумение, не может быть, неужели, — и обе изнемогали от смеха. Потом я услышал, как вода лилась там в кувшин — с таким звуком, будто кувшин был каменный, и в этой воде снова плескался и расходился со стеклянным звоном летучий смех, и девушка всё болтала и смеялась, и всё это походило на быстрый лепет маленького римского фонтана, выбрасывающего тонкие струи в каменный бассейн с бронзовыми львятами. Я совсем не различал слов, порой они напоминали мне греческий, иногда испанский или ладино, чуть-чуть итальянский, но все это было не то, какой-то другой язык, который я, быть может, слышал в детстве — но в каком, в каком детстве мог я его слышать? Только одно слово уловил я, и это было моё собственное имя, но прозвучало оно иначе,

другое, забытое мною имя, беглый контур души. Я не сразу его опознал и не успел отозваться, имя прошелестело уже так тихо и невесомо, словно его назвали напоследок, как пароль, уходя от меня в неведомый лёгкий путь. А потом всё смолкло, и затих ветер.

В окне я увидел торопливую киноварь зари, мельхиоровые камни громоздились на холмах, как черепа неведомой и бесщётной родни, как светлые кости отринутых поколений, готовые пробудиться к текучей и беспечальной жизни. Под самым окном, на голос невидимой флейты выступали гомеровские овцы, облезлые овцы цвета хаки. Комната уже успела восстановить свою безличную гармонию, вчерашняя ваза с цветами как ни в чём не бывало стояла на письменном столе. Генеральское лицо больше не отделялось от стены, и зазывно синел Кинерет.

Внизу в вестибюле завтракали портье и хозяйка, вялая женщина в потрёпанной кофте со спелыми пуговицами. Они пили кофе, отставив мизинцы.

— Садись с нами, — сказал портье, подвигая ко мне баночку йогурта и тарелку с каким-то гербарием. Хозяйка налила кофе.

— Что это у вас там за постояльцы, какие-то женщины в последней комнате справа?

— Женщины? — портье озадаченно взглянул на хозяйку, которая слезывала простоквашу с указательного пальца. — Да нет там никого. И никого быть не может.

— Но ведь я слышал голоса...

— Господи, это ж надо, — вздохнула хозяйка, сдвинув слегка брови. — Не знаю, что ты там слышал, только там нет никакой комнаты. Твой номер, крайний, угловой. Не пойму, как таких чудиков на службу берут.

— Погоди, ты где, собственно, служишь, парень? — привстал со стула портье. — Где твоя часть? В каких ты войсках?

Не ответив, я поднял рюкзак и вышел в галилейское небо, подбитое травой и камнями. Долгая, изнурительно долгая служба досталась мне, Бог весть, когда она кончится, но я не откажусь от неё, потому что не знаю большего счастья, чем с рюкзаком за плечами и в солдатских ботинках идти по Галилее.

1981

ХЕВРОН

Холод здесь был такой, что тело на ветру стягивало бетоном, а кости казались арматурой. По ночам мы карабкались в небо по приставной лестнице и старались отогреться в дощатой караульной будке на крыше Дома Романо. В ноги там утыкалась мощная электропечь, и её багровые

Марк ВЕЙЦМАН
ИРОНИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

---

* * *

Боевые эскадроны
Приамурских партизан
Потребляли макароны,
Консоме и пармезан.

А матросы разбитные
И бедовые бойцы —
Уминали отбивные
И оладьи из мацы.

Лишь по праздникам десятый
Наш десантный батальон
Дегустировал бататы
И классический бульон.

Не зашоренная клика,
Не «Устав ВКПБ»,
А «Поваренная книга»
Укрепляла нас в борьбе.

Не смурной и лысый пидор,
Не усатый парвеню,
А простой, но верный выбор
Оптимального меню!

Топо

Я в детстве девочку любил
С проспекта Торквемады.
Я помню вкус её белил
И цвет её помады.

Вела дорога к алтарю,
Но мне не подфартило:
Она ушла к золотарю
С проспекта Чикатило.

Тогда я продал дом и сад,
И дачу дяди Сени,
И перебрался в Гитлерград
На улицу Скорцени,

Где и теперь, едва живой,
Зависа от погоды,
Живу с Пол Потовой вдовой
На площади Ягбды.

ДВЕ ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

1

Я маленькая девочка,
Я песенки пою.
Я Сталина не видела,
Но я его люблю.

А ежели б увидела,
Расстроилась, поди:
От нынешних подгузников
Хорошего не жди!

2

Я старенькая тётенька,
Ровесница метро,
Но ленинское всё-таки
Люблю политбюро.

Нарежусь виски с тоником
И тоже, может быть,
Меня решится кто-нибудь
Навеки полюбить.

Отбросив все формальности,
Вопрос задаст в упор:
«Какой национальности
Ваш си-бемоль мажор?»

* * *

Здесь резвился Шура Цемах,
Шухерил и фарцевал,
Комиссарам в пыльных шлемах
Пылесосы доставал,

И на улице Петлюры,
Прежде звавшейся Лазо,
Постигал азы культуры
В обезьяннике СИЗО.

И поставлен был на счётчик,
И шутил, живя в кредит,
Что нефрит врождённый почек
Офигенно молодит.

А на площади Бандеры,
От тюрьмы наискосок,
Презиравший полумеры,
Прострелил себе висок.

БОРИС КАМЯНОВ
ПАЦАН, МУЖИК И СТАРЕЦ

РАВВИН И ПОП

У входа в винный магазин
Прервавши свой галоп,
Столкнулись пожилой раввин
И престарелый поп.

Один припомнил всех святых,
Другой воскликнул:
— Ах!
И от удара всё у них
Смешалось в головах.

Опешил каждый из мужчин,
Почёсывая лоб.
— Простите, батюшка раввин!
— Простите, ребе поп!

— Дерябнем, раз такой облом?
— За мир и за шалом!

И первая пошла колом,
Вторая — соколом...

Я часто напивался сам,
Не мне им быть судьёй.
Мужей судили по домам
Раввинша с попадьёй.

РЫДВАН

Было тело — праздник духа:
Мощный гоночный болид.
А сегодня — развалюха:
Кузов ржав, мотор шалит.

Руль уводит влево, шельма,
И ослабли тормоза,
На обеих фарах — бельма,
Шина каждая лыса.

Подтекает радиатор,
Вышел бензобак в тираж.
Много раз эвакуатор
Отвозил рыдван в гараж.

Драндулет мой стар и болен,
Бывший щёголь и плейбой.
А остался я доволен
Только выхлопной трубой.

О РОССИЯНИНЕ

На что похож орешек грецкий,
Очищенный от скорлупы?
На мозг штампованный советский
У серой ватной шантрапы.

А мозг приматов, милых тварей,
Как гениев, так и тупиц,
Из двух составлен полушарий,
Как задница — из ягодиц.

Обычно в нём полно извилин —
Детальями пренебрегу, —
Но ватник потому дебилен,
Что лишь одна в его мозгу.

Горда собой, самодовольна,
Всем умникам она — укор.
Для ватника её довольно,
А две — опасный перебор.

Российский ватник — он не ноет,
Народ его вожделюбив.
Он — убеждённый путиноид
И креативен, как Сизиф.

И в череде суровых буден,
Как однобожие — семит,
Народ свой император Путин
Одноизвильенно хранит.

БЕСПУТИН

*Президент России Владимир Путин во
время визита в Чечню поцеловал Коран.*

(Из последних новостей)

Амбивалентен без разбору
Плюгавый русский Асмодей.
В Коран, Евангелие, Тóру
Взасос впивается злодей.

Хитёр, хотя ума немного,
И издаёт он страстный стон,
Надеясь облапошить Бога,
В которого не верит он.

За ним — безумная Россия.
Сосо кровавый — их кумир...
Коран целует Лжемессия,
И сжался в страхе Божий мир.

Игорь РОТАРЬ

«МЫ НЕНАВИДИМ ВСЁ РУССКОЕ»

РЕПОРТАЖ ИЗ ВОЮЮЩЕЙ УКРАИНЫ

Моя последняя поездка в Украину, начавшаяся летом 2024, несмотря на мой американский паспорт, казалась небезопасной. Дело в том, что я оказался в чёрном списке: то ли из-за поездки в Крым, то ли из-за прежних статей. «Очень рискованно ехать; если что, я не смогу помочь!» — сказал мне украинский приятель, который как раз и сообщил мне, что я в чёрном списке.

Но всё обошлось, пограничники, собравшись вместе, долго рассматривали мой паспорт, но в конечном счёте пропустили, даже не задав вопросов.

На мою беду, мой поезд в Киев прибыл в 12 ночи, то есть в аккурат к началу комендантского часа. Мне объяснили, что вроде есть специальные такси с пропуском, но это оказалось враньём. Украинские полицейские, узнав, что мой отель всего-то в одном километре, посоветовали мне идти пешком.

— Да вы не бойтесь. Никаких бандитов, ну, в крайнем случае, такие парни как мы остановят.

— Ребята, но я же иностранец. И украинского не знаю.

— Да и заблудиться можете. Есть такие ребята, ну, типа такси, но без шашечек, но денег они берут — мама родная! Дойдите до главного выхода из вокзала и спросите полицейских, они вам этих бедовых покажут.

Интересно, что украинские полицейские не пытались на мне нажать — искренне хотели мне помочь и даже не спросили у меня документов. «Бедовые» запросили с меня тысячу гривен (тридцать долларов)

— Ребята, вы чего? Тут же всего один километр. Давай пятьсот.

— Мы берём не за расстояние, а за риск. Дай хоть шестьсот.

Я остановился всего-то за тридцать долларов в роскошных апартаментах на тридцатом этаже и наблюдал за абсолютно пустынным, но хорошо освещённым городом.

Где-то в три ночи раздался сигнал воздушной тревоги, я позвонил на ресепшн на первом этаже.

— Да, у нас есть бомбоубежище, но идти туда не надо. Киевляне давно уже поняли, что вероятность попадания бомбы ничтожна. Расслабьтесь и спите дальше!

На следующее утро я вместе со своим киевским приятелем Дмитрием отправился гулять по Киеву. Город поражал своим мирным беззаботным видом, толпами фланирующих хорошо одетых людей.

Немногие напоминания о войне — обложенные мешками, защищающими от бомбардировок, исторические памятники, а также разбитая российская военная техника, выставленная на Михайловской площади в центре города.

Техника исписана надписями на украинском, нередко перемешанными с русским матом. Мне запомнилась такая надпись на разбитом российском танке: «Киев Русь крестил, он её и отпоёт».

— Да, вначале было немного страшно. Но потом люди поняли, что вероятность попасть под бомбёжки минимальна. Теперь я вполне приспособился к новой жизни. Лично я боюсь одного — угодить в армию. Ещё очень неприятно, что теперь меня как мужчину призывного возраста не выпускают за границу, — говорит мне приятель.

Более того, по мнению Димы, из войны можно даже извлекать плюсы: «Сегодня гражданам Украины довольно легко устроиться на учёбу на Западе. Причём оплачивается даже проживание. Мой старший сын, например, учится в Англии».

НОВАЯ РОДИНА-МАТЬ

Погоуляв по центру, мы отправились к бывшему советскому монументу Родины-матери. Это самая высокая монументальная скульптура Европы и пятая в мире. Высота монумента с постаментом — 102 метра.

Статуя изображает женщину, которая поднимает вверх щит и меч. Раньше на щите был изображён герб СССР, но несколько месяцев назад его заменили на трезубец. Так знаменитый советский пропагандистский монумент неожиданно приобрёл новый идеологический смысл.

Рядом с памятником расположен музей Великой отечественной войны, он по-прежнему функционирует, но теперь львиная доля экспозиции посвящена нынешней войне.

«Сейчас идёт реэкспозиция основных залов музея. В прежнюю экспозицию вносится много дополнений о роли украинцев во Второй мировой войне».

Лев ХАЛИФ «ИЗ ЧЕГО ТВОЙ ПАНЦИРЬ, ЧЕРЕПАХА?»

К 95-й годовщине со дня рождения

Великая честь для поэта — когда его строчки становятся фольклором, обретают народную известность и славу. Так произошло со знаменитым четверостишием Льва Халифа «Черепаша», распространявшемся в самиздате, процитированное впоследствии в романе Гроссмана «Жизнь и судьба» (без указания авторства и в несколько изменённом виде.

Лев Яковлевич Халиф родился в селе Казачинское в 200 км от г. Красноярска, в семье Якова Пейсаховича Халифа (1903–1942, умер после тяжёлого ранения на Северном Кавказе) и Сарры Давыдовны Файсман (1908–1985). Вскоре семья переехала в Ташкент.

В 1953 году Лев Халиф приезжает в Москву, куда был направлен Союзом писателей Узбекистана для поступления в Литературный институт имени А. М. Горького, но не был принят.

По-настоящему начал заниматься поэзией в Москве, где 6 октября 1956 года в «Литературной газете» вышла подборка стихов в рубрике «Доброго пути!» с напутствием Назыма Хикмета.

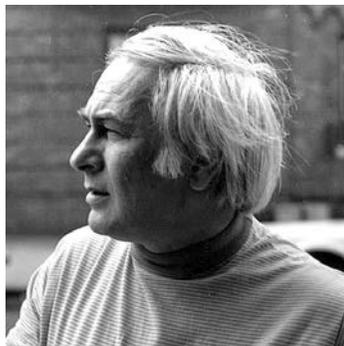
В эти же годы (1953–1954) появилась знаменитая «Черепаша»:

Из чего твой панцирь, черепаха? –
Я спросил и получил ответ:
— Он из пережитого мной страха,
И брони надёжней в мире нет.

Первая книга вышла в 1964 году («Мета»), с вырезанной цензурой «Черепашой» и ещё несколькими стихами, типа: «Зачем идёшь по чьей-то родине, зачем тебе две родины, солдат?», в 1966 году в журнале

«Кругозор» (в разделе юмора) вышла тиражом 250000 экземпляров и злополучная «Черепашка», наконец-то попавшая во вторую книгу стихов — «Стиходром» — спустя девять лет после первой, в 1973 году. Печатался почти во всех центральных газетах и журналах — только по одному разу.

В начале 1970-х был принят в Союз писателей СССР, откуда вскоре — в 1974 году — демонстративно вышел, написав открытые письма: «Писатель — смертник слова» и «Писателю сидеть положено». Для заработка переводил стихи поэтов народов СССР.

В 1977 году эмигрировал, а точнее — буквально был вытолкнут из СССР, и с тех пор жил в Нью-Йорке, где вначале поселился на такой далёкой окраине, что, как говорил он сам, с друзьями выпивал по телефону.

Спустя определённое время Юнна Мориц посвятила ему стихотворение «Благодаря доносам»:

Красавец Лев Халиф писал стихом свободным,
Без рифмы обходясь блестяще, вдохновенно.
В Америку свалив, где стих такой был модным,
Утратил он своих читателей мгновенно.

Талантливый поэт, остряк и забияка,
Потом писал друзьям бессонными ночами,
Что он от стукачей спасался, и однако
Читался он взахлёб — хотя бы стукачами!

Теперь и стукачам стихи его до феньки,
Крамолы никакой, исчез читатель тонкий,
Стучавший на него за маленькие деньги,
Читавший всё подряд — с магнитофонной плёнки!

И, кстати, много строк благодаря доносам
Крылатились тогда и на слуху вертелись, —
Да и теперь к стихам летят, подобно осам,
И липнут стукачи, они в России — прелесть!..

Ксения ГАМАРНИК КОВЧЕГ ДАРРЕЛЛА

---

100 лет со дня рождения Джеральда Даррелла (1925–1995), британского натуралиста, писателя, теле- и радиоведущего, основателя Джерсийского зоопарка и Фонда охраны дикой природы.

Моё знакомство с книгами Джеральда Даррелла началось в ранней юности с книги «Три билета до Эдвенчер» (adventure — англ. приключение). В прологе Даррелл писал:

«— Ты как думаешь, Айвен? — спросил я. — В конце концов ты родом из здешних мест, тебе и знать, где лучше ловить животных.

Айвен вышел из транса, и по его лицу расплзлось виноватое выражение, как у сенбернара, который не на место положил свой хвост.

— Ну что же, сэр, — изрёк он своим невероятно культурным голосом, — по-моему, вы не прогадаете, если отправитесь в Эдвенчер.

— Куда-куда? — переспросили одновременно мы с Бобом.

— В Эдвенчер, сэр. — Он ткнул пальцем в карту. Это — небольшая деревня вот здесь, возле устья Эссекибо.

Я поднял глаза на Смита.

— Едем в Эдвенчер, — твёрдо сказал я. — Это просто невозможно — не побывать в месте с таким названием».

Название далёкой деревушки Эдвенчер совершенно очаровало меня, и, с тех пор, благодаря книгам Даррелла, которые приходилось одалживать почитать у знакомых, в книжных магазинах их в ту пору не было, я получила свой собственный билет в удивительный мир приключений ловца зверей в далёких странах.

ПЕРВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Джеральд Даррелл родился в Индии и был младшим ребёнком в семье английского инженера. В его книге «Ковчег на острове» (1976) говорится:

«Вся моя жизнь так или иначе связана с зоопарками. Уже в двухлетнем возрасте, когда наша семья жила в одном из городов Центральной Индии, который мог похвастаться неким подобием зоопарка, я заразился своего рода „зооманией“. Дважды в день, когда моя многострадальная аяя (индийская няня — К. Г.) спрашивала, где мне хочется погулять, я тащил её к рядам зловонных клеток с облезлыми живыми экспонатами. Любую попытку няни изменить этот ритуал я встречал яростными воплями, которые слышно было от Бомбея на юге страны до границы Непала на севере. Так что я несколько не удивился, узнав от матери, что моим первым словом было „зоо“ (zoo — англ. зоопарк) ... Естественно, впечатления раннего детства вселили в мою душу желание обзавестись собственным зоопарком. И с двух до шести лет я усердно готовился к тому дню, когда стану обладателем зверинца, собирал всевозможную живность от пескарей до мокриц, которые в возрастающем числе населяли комнату, где я спал, и даже мою персону».

Джеральд Даррелл, 1981.

Фото Вольфганга Сушицки из коллекции лондонской Национальной портретной галереи.

После смерти отца мать с четырьмя детьми переехала в Англию. Наверное, самым насыщенным периодом детства стали 1935–1939 годы, которые семья Дарреллов провела на острове Корфу. Именно там, под жарким солнцем Греции, любознательность маленького Джерри развернулась в полную силу, под бережным руководством наставника и старшего друга, греческого поэта, писателя, врача и натуралиста Теодора Стефанидаса.

На Корфу Джерри без устали изучал флору и фауну. Его интересовали растения и насекомые, в том числе те, которые кажутся обычным людям отвратительными, вроде скорпионов и пауков; животные и птицы. Он с упоением собирал коллекции образцов и устраивал клетки для своих питомцев, начал вести дневник наблюдений. Потом он напишет целую трилогию, посвящённую счастливым годам, проведённым на Корфу.

В книге «Моя семья и другие звери» Даррелл так вспоминал о разговоре матери с его братьями и сестрой:

« — Нам нужен человек, который мог бы обучать Джерри и развивать его склонности.

— У него, кажется, только одна склонность, — едко вставил Ларри, — а именно стремление забить всё в доме зверьём. Эта его склонность, я думаю, в развитии не нуждается. Нам и так отовсюду грозит опасность. Не далее как сегодня утром я пошёл зажечь сигарету, а из коробки выскочил здоровенный шмель.

— А у меня кузнечик, — проворчал Лесли.

— Да, этому надо положить конец, — заявила Марго. — Не где-нибудь, а у себя на туалетном столике я нашла отвратительную банку с какими-то червяками.

— Бедный мальчик, ведь у него не было дурных намерений, — миролюбиво проговорила мама. — Он так увлекается всем этим.

— Я бы ещё мог вынести нападение шмелей, — рассуждал Ларри, — если б это к чему-нибудь привело. А то ведь сейчас у него просто такой период... к четырнадцати годам он закончится.

— Этот период, — возразила мама, — начался у него ещё с двух лет, и что-то не заметно, чтобы он кончался».

Начало Второй мировой войны вынудило семью вернуться в Англию. «Мне посчастливилось — меня приняли на работу в зоопарк Уипснейд в Бедфордшире, загородную базу Лондонского зоологического общества, — вспоминал Даррелл в „Ковчеге на острове“. — Я числился смотрителем-практикантом — громкое звание; на самом же деле я был мальчиком на побегушках, меня совали в ту секцию, где требовался подручный для чёрной работы. Такая практика была во многом идеальной: я усвоил хотя бы то, что работа с животными — дело, как правило, тяжёлое, грязное и далеко не романтическое; зато я общался с множеством чудесных животных, от эму до слонов. После Уипснейда я десять лет занимался отловом зверей, финансировал и возглавлял десять серьёзных экспедиций в разные концы света, добывая животных для зоопарков».

Работая в зоопарке Уипснейд, Даррелл мечтал присоединиться к какой-либо экспедиции по отлову зверей, однако везде получал отказы из-за недостатка опыта. Тогда упрямый молодой человек решил организовать путешествие самостоятельно. Таким образом, свои первые три экспедиции по отлову зверей для английских зоопарков (две в Камерун в 1947 и 1949 годах, и третью в 1950 году в Британскую Гвиану (с 1966 года — независимая страна Гайана) Даррелл профинансировал из средств, оставленных ему в наследство отцом и полученных по достижении совершеннолетия — 21 года.

Вислава ШИМБОРСКАЯ ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

В ПЕРЕВОДАХ ЕЛЕНА КАТИШОНОК

Вислава Шимборская (*Wisława Szymborska*), 1923–2012 — польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии 1996 года. Её детство и часть юности прошли в промежутке между двумя Мировыми войнами. Полонистику и социологию изучала в Кракове, в Ягеллонском университете.

В. Шимборская прожила долгую и очень насыщенную творческую жизнь, в течение которой было издано 13 сборников стихов. В числе её наград — литературная премия Гёте (1991), через несколько лет — премия Гердера; в 1996 — награда Польского ПЕН-клуба и Нобелевская премия. Её стихи переведены более чем на сорок языков. В 2011 году поэтесса получила высшую национальную награду Польши — Орден Белого Орла.

Всю жизнь В. Шимборская посвятила литературе — стихам, эссе, переводам французской поэзии. «Поэты только и делают, что ищут слова» — это её высказывание относится в первую очередь к ней самой. Шимборская всегда находила нужные — лаконичные, точные, часто ироничные. Первое стихотворение так и называется: «Ищу слова».

В чём притягательность поэзии Шимборской? Её стихи, при их кажущейся простоте, едва ли не наивности, отличаются необычно глубоким видением. Так умеют смотреть только дети, не успевшие повзрослеть и утратить свойственную детству мудрость. Это взгляд Поэта на мир — и умение описать себя, своего лирического героя, глазами мира, встретившего его взгляд, единственными, точно найденными, словами. Жизнь как ярмарка чудес, где каждый новый день — отдельное и неповторимое чудо. Стихи как маленькие философские трактаты с неожиданными парадоксами.

Именно эта особенность отмечена формулировкой Нобелевского комитета при вручении премии: «за поэзию, которая с предельной точностью описывает исторические и биологические явления в контексте человеческой реальности».

В Нобелевской лекции Виславы Шимборской, лаконичной, как и её стихи, останавливают слова — они звучат как предупреждение: «...всякое знание, которое не порождает очередных вопросов, очень быстро умирает... В самых крайних случаях — чему есть примеры и в древней, и в новейшей истории — оно даже может стать смертельно опасным для общества. Поэтому я так высоко ценю два коротких слова: „не знаю“. Маленьких, но всемогущих. Открывающих для нас пространства, которые спрятаны в нас самих, и пространства, в которых затеряна наша крошечная Земля. Если бы Исаак Ньютон не сказал себе „не знаю“, яблоки в его саду могли бы сыпаться градом у него на глазах, а он бы в лучшем случае подбирал их и с аппетитом съедал».

В одном из интервью её спросили: почему вы так мало пишете? Ответ последовал совершенно «шимборский»: «Просто у меня в доме есть мусорное ведро».

ОШИБКА

Зазвонил телефон в галерее картинной,
 зазвонил в тишине он в зале полночном;
 спящих бы поднял из-под перины,
 но тут лишь пророки бессонные ночью,
 лишь короли в лунном свете холодном
 смотрят бесстрастно на всё что угодно,
 а жена лихоимца, на вид непоседа,
 глядит на предмет, что звенит, не смолкает,
 но не отдаёт свой веер соседу —
 она недвижима, как все, пребывает.
 Высокомерно, нагие иль в тогах,
 они презируют ночную тревогу,
 а чёрного юмора больше в ней, право,
 чем если б с портрета сошёл доктор права
 (звон тишины лишь забил ему уши).
 А что битый час уже кто-то старается
 дозвониться и долго наивно слушает,
 набрав не тот номер... Живой — ошибается.

НА ВАВИЛОНСКОЙ БАШНЕ

— *Сколько времени?* — Да, я счастлива;
мне бы ещё колокольчик на шею,
пусть бы бренчал над тобой, когда спишь.
— *Ты не слышала бури? Ветер стену сотряс,*
башня зевнула, как львица, вратами
на петлях скрипящих. — Ты что, не помнишь?
На мне было то серое платье
с застёжкой сбоку. — *И следом за этим*
небо лопнуло с треском. — Ну как я войду,
ты ведь был не один. — *И я вдруг увидел*
цвета прежде чем появилось зрение. — Жалко,
что ты мне обещать не можешь. — *Верно,*
это явно был сон. — Зачем ты врёшь мне,
зачем зовёшь меня её именем,
ты её ещё любишь? — *Да, я хотел бы,*
чтоб ты оставалась со мной. — Нисколько
не сержусь, я могла б догадаться.
— *Всё тоскуешь о нём?* — Я ж не плачу.
— *И что, это всё?* — Никого, лишь тебя.
— *Ты хотя бы правдива.* — Успокойся,
я уеду отсюда. — *Будь спокойна,*
я уйду. — У тебя прекрасные руки.
— *Это давнее: ножик вонзился,*
не задев даже кости. — Не за что,
милый мой, не за что. — *Я не знаю*
и знать не хочу, сколько времени.

ПЕЙЗАЖ

На пейзаже старого мастера
у деревьев есть корни под масляной краской,
дорожка, конечно, приводит к цели,
травинка вполне заменяет подпись.
Здесь часов пять, вероятно,
нежный май остановлен уверенной кистью;

вот и я постою — да, мой милый,
я и есть та женщина под ясенем.

Смотри, как далеко от тебя ушла я,
какой белый чепчик на мне и жёлтая юбка,
как крепко корзинку держу, чтоб из картины не выпасть,
как красуюсь в чужой судьбе я
и отдыхаю от живых секретов.
Если окликнешь, то я не услышу,
да и услышав, не обернусь я,
да и вдруг обернулась бы, что невозможно,
твое лицо показалось чужим бы.
Я знаю мир в шестимильной округе,
знаю травы и заговоры от болезней.
Бог ещё смотрит мне в затылок.
Только бы смерть не пришла внезапно.

Война — это кара, а мир — награда.
Сны соблазна — происки дьявола.
Моя душа проста, как косточка сливы.
Я не играю в любовные игры.
Отца моих детей я нагим не знаю.
Не догадываюсь, что «Песнь песней»
была исчёрканным черновиком.
То, что хочу я сказать, уже сказано.
Безнадёжность чужда мне —
мне её только хранить доверили.
Если б ты встал на моём пути,
если бы заглянул в глаза мне,
я б мимо прошла краем бездны, тонким как волос.
Справа дом мой, я знаю его досконально
с каждой ступенькой и входом туда, где
жизнь идёт, скрытая живописцем:
кот скачет по лавке,
солнце светит на цинковый жбан,
за столом сидит худощавый мужчина
и чинит часы.

Тонино ГУЭРРА ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА:

Тонино Гуэрру по широте интересов сравнивают с мастерами эпохи Возрождения. Во всём мире он известен прежде всего как сценарист, работавший с такими мэтрами кинематографа, как Федерико Феллини, Микеланджело Антониони, Франческо Рози, братья Тавиани, Андрей Тарковский, Тео Ангелопулос, Вим Вендерс и многие другие. В коллекции Гуэрры — около ста сценариев, четыре «Оскара» и гора других кинематографических наград. Меньше известен Гуэрра как великолепный литератор, хотя он был одним из крупнейших итальянских поэтов современности, писавшем на родном романьольском диалекте, и переводимом, среди прочих языков мира, и на русский.

Поэзия входила в состав его крови, потому необычайно поэтичны и все его прозаические произведения. «Это единственный итальянский писатель, дающий возможность услышать шум падающих листьев», — сказал о нём поэт Роберто Роверси, имея в виду присущее Гуэрре абсолютное чувство звука и цвета, а также метафоричность каждой строки. Стоит добавить к этому слова замечательной итальянской писательницы и друга Тонино Наталии Гинцбург: «...он обладает даром тонкой и прозорливой пытливости, то есть такой мудрости, которой ничего не надо, кроме дорог, тумана и лукавой улыбки».

Сердце Гуэрры, по его собственным словам, было отдано литературе. Ему принадлежит признание: «Могу ошибаться, но у меня всегда было такое впечатление, что слова старятся в меньшей степени, чем образы кино».

Представленная проза итальянского классика «Тёплый дождь» — убедительное свидетельство его особенного таланта.

Валерий Николаев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вместе с моим другом, пытающимся найти объяснение истории Генерала, у которого денщиком была собака, мечусь по расплавленному жарой Ленинграду.

Итак, я в вагоне поезда, несущего меня в Ленинград. Сразу же оттуда я отправляюсь в Грузию, где ждёт мой друг Агаджанян, чтобы сопроводить меня в район горных источников. Я бегу прочь из Италии с её прямоугольниками полей обожжённой зноем пшеницы, ещё не скошенной, волнуемой ветром или уже скошенной и блестящей, как след улитки. Листья ищут прохладу в тени своих соседей по дереву, как это делают под жарким солнцем овцы. Загреб напоён ароматом Франческо Джузеппе. Поля — мохнатые пятна зелени с выступающими то там, то сям ивовыми кустами. Трава высокая, порыжевшая от жары, с островками белых цветов. Леса. Поляны. Голуби, угнездившиеся на покатых крышах, косятся на пролетающий поезд. В Венгрии крестьяне сгребают сено в телеги, запряжённые белыми в яблоках лошадьми. Дома с островерхими крышами. По грунтовым просёлкам катят велосипедисты. Рядом с домами маленькие деревянные уборные, какими пользовались в наших деревнях полвека назад. Крупные тёмные птицы взлетают с земли. Озеро Балатон с качающимися на воде утками. Поезд останавливается на станции Балатоншентаерги. Вокзал напоминает длинную низкую клетку для птиц, с рельсами на земле цвета охры. На Украине по равнине параллельно друг другу ползёт сотня комбайнов внушительного вида. Люди и животные среди огромного пространства. Короткая остановка в Киеве. Древний город сверкающих куполов на гребне холма над широченным Днепром, омывающим песчаные берега на протяжении многих километров. Виднеется песчаная отмель по центру реки, лакомое местечко для заядлых рыбаков. В десять вечера мы в Конотопе. Огромный вокзал. Недолгая прогулка по широкому и очень длинному перрону. Свет из окон стоящего состава падает на белокирпичный фасад вокзала, напоминающего фабрики прошлого века. Пролетают поезда с горящими глазами на тёмных мордах. Около полуночи я прибываю в Москву, как раз чтобы успеть пересечь на скорый до Ленинграда. Я еду в спальном вагоне. На откидном столике два лимона. В коридоре несколько генералов, русских и индийских. За окнами ночь, прожигаемая время от времени созвездиями ослепительных огней. В этих проблесках можно мельком разглядеть индустриальные, словно

из научно-фантастических фильмов, конструкции. Прежде чем улечься, я отодвигаю занавеску, пытаюсь понять, что ищут в небе голубоватые лучи, испускаемые какими-то далёкими прожекторами. На мгновение мне кажется, что краем глаза я улавливаю в мутно-белом пятне светящуюся точку. Но видение тотчас же исчезает. В пять утра вагон наполняется шумом и голосами, всё более возбуждёнными. Я высовываю голову в коридор и вижу генералов и остальных пассажиров в пижамах и спортивных костюмах, наблюдающих за солнцем, которое только что взошло над горизонтом. Они ждут солнечного затмения, объявленного на пять с минутами. Не знаю, то ли я опять задремал, то ли в этот момент тень луны закрыла солнце — розовый цвет подушки сделался чёрным, и больше я ничего не видел.

На вокзале меня встречает Миша, молодой научный работник. В такси мы едем по Невскому проспекту. Улица, которой я любовался в Москве, разглядывая книгу, отпечатанную ещё в XIX веке, производит на меня довольно скромное впечатление. Квартира Миши на третьем этаже здания в стиле «либерти». Лестница грязного цемента с пустыми мусорными ведрами у дверей. Пахнет так, словно здесь прошло стадо верблюдов, истощённых переходом через Аравию. Лифт не работает. Он в клетке, железная решётка которой в сталактитах сырой, осевшей на ней пыли. В квартире старая мебель. Из заставленных цветочными горшками окон, выходящих во двор, видно облезлое трёхэтажное здание. Мне нравится живописное убожество, окружающее нас. Унитаз — дыра в полу. Ванная с душем — чуланчик, его цементный пол весь в подозрительных пятнах. У Миши голова мангуста. Он — вампир зелени. Он жуёт салат и другие мелко нарезанные травы, потом накрывает тарелку голубой бумажной салфеткой и утоляет жажду водой. Он пьёт её маленькими глоточками, сопровождая эту операцию утробным звуком. Он говорит, что мы состоим из воды и потому должны вводить в организм как можно больше жидкости. Серьёзное лицо его неожиданно возбуждается, кожа над скулами стягивается к ушам, миндалевидные глаза закрываются и становятся видны крупные зубы. Это — безмолвный взрыв смеха, который на самом деле оказывается всего лишь улыбкой. Мне не удаётся понять, что его так развеселило. Мы едим в маленькой столовой с овальным окном и с тарелками из расписной майолики на стенах. На колонке в стиле «ампир» висят шерстяные пинетки домашней вязки. Их вязала его сестра, живущая сейчас у мужа в Нью-Йорке. Кирпичный каминчик забит смятой бумагой, газетами, обломками каких-то предметов. Им предназначено исчезнуть в огне. За двойными стёклами окна — крыша серого железа с водосточным

Александр РУДКЕВИЧ ПЕРЕВОДЫ С ИВРИТА

Александр Рудкевич (1950–2024) родился в Зауралье в Челябинской области. После окончания школы поступил в Саратовский университет на мехмат. Математик, программист, кандидат наук. Работал заведующим лабораторией в НИИ атомных реакторов, преподавал в Пермском политехническом институте.

В 1992 году уехал в Израиль. Был принят на работу программистом-исследователем в Институт Вейцмана в г. Реховоте. В конце 90-х переехал в Канаду, где занимался системным анализом и программированием в различных канадских и международных компаниях.

Его литературная деятельность началась ещё в Израиле. Выступал под псевдонимом Давид Сеглевич. Его стихи и рассказы публиковались в альманахах «Альбион», «Млечный путь», журналах «Литературный европеец», «Новый континент», «Эмигрантская лира», «Чайка» и других изданиях. Им написаны несколько книг — сборник рассказов 1999–2018 гг. под названием «Смена веков», автобиографические заметки «Вдруг вспомнилось», а в 2024 году была издана книга «Историческая родина», в основу которой легли дневники и письма его предков — пионеров-кибуцников в Палестине. В Канаде стал активно заниматься переводами поэзии с иврита и английского на русский. Несколько лет был руководителем семинара прозаиков в г. Торонто. В 2010 году стал лауреатом конкурса рассказов в г. Баку.

НАТАН АЛЬТЕРМАН (נתן אלתרמן 1910–1970)

Поэт, журналист, драматург, переводчик. С 1925 года жил в Тель-Авиве. В 1968 году был удостоен Государственной премии Израиля в области литературы.

Не ищите в этом стихотворении глубокой философии или накала страстей. Весёлая песенка в духе Беранже. На пластинках она появилась в 1969 году. Перевод был сделан как раз перед началом печальных событий 7 октября 2023. Непонятно, насколько он уместен в нынешних обстоятельствах, но ведь говорят, что юмор помогал выживать даже в концлагере.

* * *

Друзья, скажу вам честно:
                                 в комфорте жить чудесно,
 и деньги, как известно,
                                 нас тешат как вино.
 Всегда предпочитаю
                                 я лимузин трамвая
 и просто обожаю
                                 в нём ехать с дамой, но:

Коль нет того, что я люблю,
 любить я буду то, что есть.
 Бывает грустно, признаю,
 но смысла нет из кожи лезть.
 Если нет,
                                 то и не было раньше,
 Если есть,
                                 может, будет и дальше.
 Манит то, чего нет,
                                 как далёкий рассвет,
 но раз нету его, то и нет.

Когда проходят рядом
                                 красотки с томным взглядом,
 душа грозит распадом
                                 и в сердце кавардак.

Когда супруга Това
услышать хочет снова
любви заветной слово,
я отвечаю так:

— Коль нет того, что я люблю...
...

Я чуду доверялся,
любил и наслаждался,
но, как ни упирался,
пред доктором предстал.
И врач сказал мне: — Хватит!
Кто так здоровье тратит?
Инфаркт вас скоро хватит.
А я ему сказал:

— Коль нет того, что я люблю...

НАТАН ЙОНАТАН (נתן יונתן 1923–2004)

Известный израильский поэт. Родился в Киеве. Преподавал поэтическое мастерство и израильскую литературу как в Израиле, так и за его пределами. Стихи Йонатана переведены на множество языков.

* * *

Ты любишь только боль
от злых шипов терновых?
— В пустыню удалюсь
и научусь страдать.
Пусть кратка песнь любви
— пройду меж гор суровых,
чтоб о любви своей
на скалах написать.

Татьяна ШЕРЕМЕТЕВА ЛИНИИ РАЗЛОМА

О НОВОЙ КНИГЕ ГАРИ ЛАЙТА «САГАНАЖ»

Гари Лайт, *Саганаж*, Київ, Друкарський двір Олега Федорова (авторская серия журнала «Крещатик», 2024)

Гари Лайт, *Саганаж*, Boston—Chicago, M•Graphics Publishing / Bagriy & Company (2024)

Во второй половине минувшего года почти одновременно в Киеве и Бостоне вышла новая книга Гари Лайта с несколько необычным названием «Саганаж». Этот стихотворный сборник находится в самом начале своего самостоятельного пути, когда книга уже вышла и ничего ни добавить, ни исправить нельзя, когда она находится во власти читателя: его принятия, непринятия, отождествления или, наоборот, отторжения.

И украинские, и американские издатели «Саганажа» опубликовали его как в традиционном, так и в современном варианте — на бумаге и в цифре. Изначально сборник вышел в авторской серии известного европейского литературного журнала «Крещатик», где случайные книги, как правило, не выходят.

Эту коллекцию стихов Гари предпочтительно читать в бумажной версии. Именно переворачивая, а не перелистывая страницы. Возможно, делая закладки из осенних листьев, или читая её в компании с котом, сидящим у вас на коленях.

Многие стихи, помещённые в новой книге автора, уже стали частью заповедного мира читателей, где есть место тем самым эстетическим наблюдениям, которым Лайт не изменяет уже много лет в своих занятиях стихосложением.

Кортасар вслух, аскеза сентября,
наличие означенности темы...

Ничто из двух — ни море, ни земля,
и вечный суд с пристрастием богемы.
Из недостатков измельчание пространств
не самая печальная из истин,
но если в моде слово диссонанс,
то дальше только вычурные мысли (с. 183)

«Саганаж», как и все предыдущие, яркая и забирающая в себя книга, когда понимаешь, что попал в плен, что тебе не выбраться и что в обычном противостоянии «автор–читатель» ты уже поднял белый флаг, с радостью признавая верховенство таланта автора. Однако книга эта, как и судьба самого Лайта, исполнена многочисленных драматических противоречий. Линии разлома... Вот о них-то и пойдёт речь.

...Вся относительность поры диктует правила игры
в потусторонние миры, как снилось прежде...
Но только — перевод часов сулит иной порядок слов
в любви и вере как основ, и быть надежде... (с. 38)

Закончив пост-университетскую юридическую магистратуру, Гари, в то время уже обладатель дипломов по политологии и сравнительной филологии, стал представителем одного из самых престижных, закрытых и жёстких профессиональных сообществ. Он адвокат, специалист по международному контрактному праву и переговорным процессам, где зачастую на кону оказывается многое и где высокий профессионализм и многоуровневая ответственность — неотъемлемая часть ремесла.

Постоянное чувство отложенных дел
норовит адвоката со стажем
упрекнуть, что его стихотворный удел
оттого до сих пор не улажен...
Что пора бы уже ограничить печаль,
и согласно минувшим контрактам,
отдалить созерцаний незримую даль
вслед за предотвращённым инфарктом... (с. 29)

И в то же время Гари Лайт — автор лирических, музыкальных и западающих в душу стихов. Его поэзия наполнена необъяснимым мягким светом, теплом и перепадом измерений, о чём уже не раз упоминалось в литературных статьях, анализирующих его прежние книги. Но в «Са-

ганаже» явственно присутствует нечто, прежде обозначенное лишь подспудно — искренняя горечь «неприсутствия».

Этим чувством горечи исполнены строки, посвящённые пылающим в огне родным этому автору Украине и Израилю.

...Вы живите, мои города,
я всегда с вами в двориках узких,
глажу ваших бездомных котов,
прикрываю им уши от взрывов,
как отчаянно стыдно от слов
на пороге вселенского срыва... (с. 131)

Гари родился в Киеве, но с раннего отрочества обитает в приграничье самого большого метрополиса Мидвеста, прерий и одного из великих американских озёр. Для того, чтобы разобраться в вышеупомянутой географии, лучше начать чтение книги с авторского послесловия. Тогда многое становится ясным, в том числе и подробности вышеупомянутой географии, которую автор характеризует как нежно любимое им *примичиганье*. Там же, в авторском послесловии Гари, находится развёрнутое объяснение самого названия этой книги. Своеобразная дань той самой более чем сорокалетней среде обитания.

Подобные «линии разлома», похоже, и формируют авторскую архитектуру этого сборника стихов. Замечательный поэт и издатель легендарного в литературной истории эмиграции журнала «Побережье» Игорь Михалевич-Каплан справедливо заметил, что именно нарочитая, пусть и подспудная архитектура присутствует во всех книгах Гари и является их отличительной чертой. Украина, Америка, Израиль, где автор в разной степени и по разным обстоятельствам не чужой, не только постоянно находятся в зоне его поэтического внимания, но и, как когда-то отметила Марина Гарбер: «...в стихах Лайта они всегда немножко удивительны».

...А в остальном — всё той же чередой —
неверия — хоть продавай стадами,
всё так же фарисеи над толпой
разносят ересь ровными рядами.
Косноязычный лжец-прелюбодей
по-прежнему преследует пророка,
гоним и презираем род людей,
в глазах Юдифи — та же поволока... (с. 192)

АРИАДНОВА НИТЬ НИНЫ КОСМАН

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ «ОПРАВДАНИЕ МАРТЫШКИ»

Известное киевское издательство «Друкарский двір Олега Федорова» выпустило сборник прозаических произведений Нины Косман.

Коротко об авторе. Нина Косман (Nina Kossman) родилась в Москве. Эмигрировала с семьёй в США в начале 70-х годов. Поэт, прозаик, драматург, художник, скульптор, переводчик.

Книги стихов на русском: «Перебои» (Москва, 1990) и «По правую руку сна» (Филадельфия, 1998). Книги на английском: «Behind the Border» (Harper Collins, 1994, 1996), антология «Gods and Mortals» (Oxford University Press, 2001), роман, изданный в Лондоне на английском под псевдонимом NL Herzenberg (Philistine Press, England, 2017); в русском переводе — «Царица иудейская» (Рипол, 2019), «Other Shepherds» (Poets & Traitors Press).

Стихи, рассказы и переводы публиковались в США, Канаде, Испании, Голландии, России и Японии. Пьесы ставились в театрах Нью-Йорка, на Off-Off-Broadway. Английские переводы стихов Марины Цветаевой собраны в двух книгах: «In the Inmost Hour of the Soul» и «Poem of the End».

Многое вошедшее в этот сборник, вероятно, уже известно читателям по прежним публикациям в американских и зарубежных журналах. Рассказы, которые я раньше читала, включённые в единое пространство книги, наполняются отсветами общего авторского замысла и, собранные воедино, приобретают новые краски и смысл. На этот общий замысел, несомненно, указывает название сборника «Оправдание Мартышки». В одноимённой притче содержится намёк на известную басню Крылова о Мартышке, которая к старости «слаба глазами стала». Притча Косман не просто о сострадании к ослепшей, но о понимании того, как непросто бывает каждому верно сориентироваться в стремительно меняющемся мире, и потому назначение искусства — просвещать.

Тексты сборника можно отнести к трём основным жанровым группам: рассказы, воспоминания, притчи. Такое разделение самому автору кажется недостаточным, и в отдельные группы выделяются жанры промежуточные: полурассказы, полумифы, полупритчи... Эта сложная жанровая классификация лишь подтверждает факт, что чётких границ между разными формами в прозе Косман нет: воспоминание превращается в рассказ, рассказ порой перерастает в притчу, а миф — в рассказ, что, бесспорно, свидетельствует о творческом поиске новых повествовательных форм.

Рассказы и очерки «Проза ежедневной жизни» по преимуществу автобиографичны. Автор подчёркивает, что в основу сюжетов многих из них легли эпизоды реальной жизни. Но в воспоминаниях о событиях прошлого изображение жизни далеко не фотографично. В картине легко угадывается зоркий взгляд художника, умеющего отобразить нужные детали и краски, отделить главное от второстепенного, во всём ощущается умелая рука мастера, строящего композицию, где каждый красочный штрих важен в общем авторском замысле. И это естественно: автор не только поэт, прозаик, но и художник, точнее, прежде всего — Художник в полном смысле слова, и об этом свидетельствуют замечательные иллюстрации автора к своей книге.

Ей, по её собственному признанию, в юности была особенно близка поэзия Цветаевой, которую она переводила на английский язык. Мне кажется, эта близость сохранилась до сих пор. Знакомясь с характером главной героини рассказов Косман (а это, несомненно, альтер эго автора), я невольно вспомнила строчки Цветаевой: «...по наважденьям своим — как по мосту! С их невесомостью В мире гирь...». Многие рассказы как бы рождаются из ночных сновидений (или — наваждений), которые писательница с юности утром старалась записывать в свой блокнот. Так, сновидения о дедушке подталкивают героиню к реальным поискам документов о его смерти в архивах КГБ («У меня нет никаких доказательств, кроме этих слов»). Косман отличает твёрдое нежелание хоть на время забыть о «земных гирях», пройти «ПО МОСТУ» над трагическими картинами прошлого и настоящего.

Героиня рассказов не уклоняется от тяжёлой ноши, которую возложила на неё судьба — хранить память о трагических испытаниях, выпав-

ших на долю поколений её близких. Многие погибли в ГУЛАГе (например, бабушка и дедушка с маминой стороны), родственники со стороны отца — во рвах под Ригой от пуль гитлеровских фашистов...

Мне понятны огорчение и разочарование героини, давшей почитать свой рассказ о страданиях бабушки американской свекрови, когда вместо сочувствия и понимания светская дама выразила лишь высокомерное удивление по поводу того, что жертва, проведенная в сталинских лагерях пять лет и потерявшая все зубы, не «нашла хорошего дантиста» («Весна 1941»).

Героиня не может смириться и с тем, что профессор русской литературы в американском колледже использует записи песен Высоцкого как малозначительный музыкальный фон на беззаботной студенческой вечеринке. Профессор не хочет слышать трагического надрыва в песнях русского барда, он со злостью набрасывается на героиню, пытавшуюся усилить громкость магнитофона и позволить Высоцкому «выкричаться» («Как я защитила честь Высоцкого»).

Автор обращает внимание на присущее западной элите желание оградить не только детей, но и самих себя от лишнего сопереживания поколениям родных и близких, обречённых на страдания в странах с тоталитарными режимами. Вспоминая встречу со своей английской кухиной, чья семья уже давно жила на Западе и не испытала ужасов советского режима и Холокоста, как семья Косман, автор замечает: «А ведь разве не бессмысленно обвинять мир во всевозможных грехах, когда от тебя требуется что-то совсем другое, совсем не связанное ни с каким обвинением? Требуется просто вырвать из забвения тех, кто по различным причинам в него упал, и кого, ещё до своего рождения, ты обязан — или тебя обязали — помнить» («Я родилась слишком поздно»).

Впрочем, при всей обострённой способности к состраданию, автор не любит патетики и даже о трагических событиях пишет с суховатой сдержанностью, намеренно избегая развёрнутых описаний, так что внутреннее состояние героини передаётся через символический образ или знак. Головная боль — убедительный знак судьбы о соприкосновении с источником зла в рассказе «Переводчица». В общении с переводчицей-немкой, которой героиня хотела доверить перевод мемуаров прадеда, выяснилось, что отец переводчицы от чего-то умер во время войны... И хотя нет свидетельств о службе отца переводчицы в рядах карателей, героиня испытывает непереносимую головную боль от одной мысли, что, может быть, общается с дочерью одного из тех, кто участвовал в расправах над евреями.

Владимир ФРУМКИН

ВОЖДЬ БЫЛ ПЬЯН И СЛОВООХОТЛИВ

ХРУЩЁВ – «МУЗЫКОВЕД»

Странная судьба постигла эту речь Никиты Сергеевича Хрущёва. Несправедливая судьба. Куда как больше повезло тем речам и репликам вождя, которые были обращены к художникам и скульпторам, писателям и поэтам. Они — тем или иным способом — становились достоянием гласности и предметом осмысления историками культуры, несмотря на вкраплённые в них подчас крепкие выражения и неожиданные, прямо-таки шокирующие оценки. **«За что этому художнику платят 50 рублей? За эту мазню? Денег ему дать до заграницы!»** Эта тирада, как кое-кто ещё наверняка помнит, была вызвана «Обнажённой» Фалька, которую Никита Сергеевич увидел на выставке в Манеже в роковой для советской культуры день, 1 декабря 1962 года.

Услышав в ответ, что «Фальк уже четыре года как на кладбище», высокий гость быстро двинулся вдоль стен, выкрикивая на ходу: **«Кто им разрешил так писать?» «Всех на лесоповал! Пусть отработают деньги, которые на них затратило государство!» «Безобразие! Что это — осёл хвостом написал, или что?!»** Затем именитый посетитель набросился на Эрнста Неизвестного, стоявшего возле своих абстрактных работ из бронзы, но, получив отпор, побагровев, бросил знаменитое: **«Подарасы несчастные!»** и пулей вылетел из Манежа.

Вслед за этим грянули кремлёвские встречи, по официальной формулировке — «с деятелями искусства и литературы»: 17 декабря того же года и 7–8 марта следующего, 1963-го, где новоявленный художественный критик энергично и красочно поучал Эренбурга, Евтушенко, Вознесенского, Аксёнова, для пущей убедительности топая ногами и стуча по столу кулаком... И всё же встречи эти, в отличие от эпизода в Манеже, широко освещались в печати.

Как же получилось, что пространное выступление главного искусствоведа страны перед композиторами так и осталось за зубчатыми стенами Кремля, не пополнило сокровищницу марксистской мысли об

искусстве, кануло в Лету? Чем была вызвана такая несправедливость? Может, кто-то там, наверху, счёл её, эту речь государственной тайной, ибо произносилась она не только без бумажки, но и в сильном подпитии, так что её не смогли причесать для печати, даже одного абзаца выбрать для публикации?

Экскурс в тонкую область музыки вождь совершил в том же марте 1963-го, за полтора года до того, как был отправлен соратниками на заслуженный отдых.

* * *

Солнечный, погожий, с лёгким морозцем, день ранней московской весны. Только что закончился Всесоюзный съезд композиторов СССР, и мы, его делегаты и гости, направляемся в Кремль на правительственный приём. Впрочем, «направляемся» — не вполне подходящее слово: мы почти бежим, ибо из-за насыщенности последнего дня у нас не было перерыва на обед, все страшно голодны. А тут ещё время поджидает: на встречу с руководителями страны надо поспеть точно к назначенному сроку! По специальным пропускам входим в Кремль. В просторном фойе перед Георгиевским залом, где назначен приём, нас набивается видимо-невидимо, едва ли не вся могучая композиторская армия страны Советов. Внутрь пока не пускают, чего-то ждут. Наконец, двери распахиваются, и нас приглашают к длинным столам, поставленным буквой П. За «перекладной» — пусто, «слугам народа», очевидно, полагается выйти, когда публика займёт места и угомонится.

Публика между тем повела себя в высшей степени некультурно. Увидев, что высокого начальства в зале нет, композиторы проявили невероятную прыть и ринулись к столам, работая локтями и перебраниваясь. Ни дать ни взять Ходынка в миниатюре. Мне, молодому члену Союза с шестилетним стажем, было невдомёк, что виной столпотворения был не столько голод, сколько желание моих коллег встать (сидеть нам не полагалось) как можно ближе к руководителям партии и правительства...

Их появление, однако, было встречено сдержаннее, чем можно было ожидать. Что неудивительно: нашим вниманием безраздельно овладело то, что мы, не веря своим глазам, увидели на покрытых белоснежной скатертью столах. Такого изобилия не было даже в «Кубанских казаках» в фантастической сцене колхозного свадебного пиршества...

И какая сервировка, какие закуски, какие напитки: лучшие сорта водки, редкие грузинские вина, отборный армянский коньяк! Но боль-

ше всего поражала цветовая гамма. Ещё бы! Перед нами расстились свежайшие овощи, фрукты и ягоды, которых простой советский человек отродясь не видел в такое время года — ведь не июнь какой-нибудь, а март стоял на дворе! Вот как, значит, питаются наши дорогие вожди, авитаминоз им не грозит...

Не думали мы тогда, что такого гастрономического буйства мы уже не увидим на правительственных приёмах: после Никиты хлебосольство властей резко пошло на убыль. Первый же «постхрущёвский» приём был устроен не в роскошном Георгиевском зале, а в фойе Кремлёвского Дворца съездов, и пир там был отнюдь не горой, без водки и коньяков, одни вина, и те похуже, чем выставил нам от широты души Никита Сергеевич. К тому же его преемник не удостоил нас своим личным вниманием и ближайших соратников на приём не отрядил. Начинались унылые времена серости и застоя...

Поднимая бокалы в ответ на тосты и ухитряясь опрокинуть рюмку-другую в паузах, мои соседи комментировали поглощаемые блюда и гадали, принесут ли официанты на горячее **«кремлёвские сосиски»**. «Непременно возьмите! Сразу, а то вмиг разберут!» — шепнул мне кто-то. Я был заинтригован: речь определённо шла о величайшем деликатесе, потребляемом в высочайших сферах. Вожделенные сосиски оказались лилипутами: коротенькими, тоненькими и весьма приятными на вкус. Приехав в Америку, я испытал почти что шок: кремлёвский деликатес продавался едва ли не в любой забегаловке...

Гастрономический ажиотаж прекратился, как только объявили, что сейчас с приветственным тостом выступит Никита Сергеевич Хрущёв. Выглядел хозяин Кремля радушно, лицо его лоснилось, глаза поблёскивали, рот расплывался в широкой улыбке. Был он явно навеселе, вёл себя демократично: «чокался с простыми смертными», как свидетельствует в письме из Гамбурга мой друг и коллега Михаил Бялик.

В непосредственной близости от «великих» Миша оказался случайно. До начала банкета он успел погулять по дворцу, осмотреть царские покои и Грановитую палату.

«Играл, помнится, невидимый духовой оркестр... Когда по радио прозвучало приглашение закусить, я счёл неудобным бросаться есть, с кем-то ещё побеседовал и, когда, не торопясь приблизился к столу, оказалось, что места, куда бы можно стать, не было. Коллеги выстроились плечом к плечу, я подошёл к одному знакомому, другому — все они, пребывая в ажиотаже, меня не узнавали, никому и в голову не пришло чуть потесниться. „Ну, и упивайтесь-обжирайтесь, подумал я, — обойдусь без ваших сосисок“. И, сильно обидевшись, пошёл прочь; туда как

Марина ГРОДЗИЦКАЯ

ЩЕДРОЕ ЛЕТО

Один летний месяц в моём детстве стал особенным. Он запомнился полным погружением в мир природы, буйным цветением растительности, пьянящим воздухом полей, запахом цветов и трав, а также новым ощущением свободы. Пространство вокруг оказалось бесконечным, а время протекало незаметно или вовсе останавливалось, будто нарочно, давая возможность рассмотреть каждую картинку в мельчайших подробностях.

* * *

Из Киева в Бышев, где жила мама отчима, я приехала после окончания второго класса, в начале лета. Это было девятое лето в моей жизни. Каникулы в деревне должны были продолжаться около месяца, пока родители в Киеве были заняты переездом на новую квартиру. Я отправлялась в деревню из коммуналки на Золотоворотской, где прошли лучшие годы детства, а вернуться предстояло в новую, ещё неизвестную квартиру на Лесном массиве (тогда район назывался *Водопарк*). Один месяц в деревне превратился в транзитную зону пересадки с одного самолёта на другой, из старой жизни в новую, и она оказалась местом больших перемен, переходом к более взрослой жизни.

На следующий день, когда я впервые вышла из дома, меня охватило радостное предчувствие встречи с чем-то новым, неизвестным. Звенящую тишину вдруг прервал мощный крик петуха из соседнего двора. Закудахтали в ответ куры, зашелестела суетливо ещё какая-то домашняя живность. Через минуту я оказалась сама на большой дороге, и голову мою немного закружило. Я растерянно смотрела вокруг и не могла поверить, что могу идти куда угодно, в любом направлении. Куда же сначала? Пыльная и раскалённая от солнца дорога со следами колёс и кучками свежего конского навоза куда-то звала меня. Нужно было только с силой оторваться от земли и побежать, быстро-быстро, так, чтобы в ушах засвистел ветер.

ДОРА

Маму отчима звали Федора Карповна. Тётя Дора, или просто — Дора. Кажется, я называла её именно так. В свои пятьдесят два она выглядела свежей и молодой. Невысокая и круглолицая, с крепким упругим телом, она как будто обладала двойной силой и успевала буквально всё — с утра на огороде прополоть тяпкой, а потом — бегом в школу, где работала уборщицей. В это время там уже начался ремонт, и она вместе с другими *жіночками* красила стены и белила потолки, стоя на лестнице, или чаще, поддерживая её для того, кто выше ростом. В перепачканных краской синих спецалатах, с «припудренными» от мела лицами, женщины развлекались тем, что громко пели в пустых классах *a cappella*, от чего пространство вокруг превращалось в концертный зал с хорошей акустикой. (В основном это были народные песни с драматическим сюжетом — «*про Козака та Дівчину*», об их тайных встречах при луне, а также препятствиях и злых кознях, подстерегающих влюблённых на пути к взаимному счастью). Подхватывая всеобщее хоровое многоголосие, Дора в конце каждого куплета затягивала последнюю ноту и долго держала, пытаясь добиться ещё большего драматизма:

— *Вийди, вийди мій миленький до мене ще хоч ра-а-а-з!*

Вечером, после работы, Дора обходила свой большой огород, «*сапала і полола бур'яни*», одним словом — «*поралась*». Собирая колорадских жуков с картофельных листьев, она и меня учила этому нехитрому делу, вручив ведёрко с водой, куда нужно было отправлять вредителей. Круглолицая и голубоглазая, всегда в светлом платочке с цветами. Казалось, она вообще никогда не унывает и не устаёт. Вечером, после всех своих работ, она бодрым голосом говорила:

— А зараз ми ще і їсти наваримо!

Дора не заставляла меня есть и не следила за режимом, как это было дома, в Киеве. У нас с ней всё было по-взрослому в этом вопросе: утром — «*сніданок*», а вечером — «*вечеря*»! Конечно, я могла себе что-то сама найти на кухне, но на это не было времени. Днём я ходила гулять, заходила в гости к соседским девочкам, играла с ними прямо на дороге, где иногда проезжали автомобили или воз с лошадьми, а к вечеру, когда Дора каким-то чудом находила меня в одном из дворов и забирала домой, аппетит у меня был уже не детский.

— Яешню на салі будеш їсти? — спрашивала она.

Увидев на сковороде яркие красные желтки глазуньи в окружении шипящих шкварок, я радостно кивала головой. Дора ловко нарезала большими ломтями буханку хлеба, ставила по центру стола огромную миску салата из свежих огурцов и трёхлитровую банку простокваши. На

закате у нас начинался настоящий пир, и не было ничего вкуснее в целом мире, чем наш ужин на двоих.

Веранда с огромным окном на запад позволяла, сидя за столом, наблюдать, как красное солнце садится в бескрайнее поле огородных посадок. Когда оно полностью пряталось за горизонтом, распускались любимые Дорины цветы — «*матиола*» — мелкие, нежно-сиреневые, со сладко-медовым дурманящим запахом. Мы садились поближе к ним, на маленькие скамеечки — «*ослінчики*». Дора глубоко вдыхала цветочный запах и громко выдыхала, наслаждаясь. Выходило что-то вроде «А-а-а-ах!..». А я смотрела на яркое звёздное небо и не могла оторваться. Оно было очень близко и совсем не такое, как в городе. Сейчас я бы сказала, что это было моё первое ощущение Вечности, той, которая всегда была, была до тебя, и будет после.

После ужина Дора отправляла меня спать, но сначала — смотрели телевизор. У меня не очень получалось его смотреть. Уже в ночной рубашке я устраивала перед телевизором концерт. Номера появлялись спонтанно в зависимости от того, что показывали. Если в телевизоре пели, я подпевала, а когда показывали балет — без особых усилий синхронно повторяла движения балерины, все её хитроумные фигуры, *батманы* и *фуэте*, даже хождение с носка и на полупальцах. Казалось, я делаю всё точно, как танцовщица в телевизоре. Но лучше всего у меня получались поклоны публике. Имея только одного зрителя в зале, я усердно делала глубокие реверансы, а Дора, глядя на меня, просто умирала от смеха. Она падала всем телом на кровать и сквозь стон, задыхаясь и корчась, повторяла «*Боже ж мій, Боже! Ну це ж треба яке воно! Срання мале!*»

Не могу сказать, что сразу поняла значение этого нового для меня словечка, но звучало оно для меня как поощрение. Искренняя эмоциональная реакция Доры указывала на то, что она таким образом выражает своё восхищение, и когда она, смеясь, хлопала себя руками по бёдрам, я принимала это как аплодисменты исполнителю. Совершив ещё один глубокий поклон — реверанс, как это делает профессиональная балерина на сцене, я продолжала вдохновенно копировать высокое искусство, кружась и взлетая вверх перед чёрно-белым экраном.

Перед концертом Дора разрешала накрасить губы её помадой насыщенного малинового цвета в крохотном золотом корпусе, так сказать, для соответствия театральному образу. Это была единственная её помада, которой она почти не пользовалась. Разве что по большим праздникам.

Я наводила марафет, глядя в круглое зеркальце на столе, а потом, взяв немного её одеколona «Красный мак» или «Кармен», старательно

выводила пальцем круги и линии на запястьях и шее. Дора внимательно наблюдала за процессом без комментариев. Казалось, можно вообще делать всё, что заблагорассудится, и любое твоё желание исполнится легко и сразу.

После концерта телевизор бережно накрывался вышитой салфеткой, а я — раскрасневшаяся и довольная — шла спать. Дора укрывала меня периной и шла к иконам в рушниках, читать молитву. Я слышала, как она шёпотом обращается к деве Марии, чётко произнося каждое слово:

— Царица небесна... Не полиши нас, Свята милосердна... заступница...

Маятник настенных часов убаюкивал, и уже через мгновение я засыпала, не дождавшись заключительного слова «Аминь».

РАЙКА

В поля и к соседям в гости я ходила не одна. У меня был отличный проводник — подружка на три года старше по имени Райка. От природы смуглая, резвая и шутивая, с тёмными, как спелые сливы, глазами, она напоминала цыганёнка.

Мы познакомились за два года до этого, зимой. Знакомство прошло у неё дома, во время каникул и, кроме Райки, была только её подруга — одноклассница. Мы сразу начали играть в прятки, бегали по комнатам и догоняли друг друга, прыгали с дивана, пытаясь достать потолок. Взрослых рядом не было, и мы отрывались как могли, а когда решили отдохнуть, я почувствовала сильную жажду и попросила воды.

Райка что-то быстро прошептала своей подружке на ухо и подмигнула, а через пару минут принесла воду. Гранёный стакан был налит до краёв, и Райка несла его осторожно, чтобы не расплескать.

— На! Пий! Тільки швидко!

Лицо её было очень серьёзным, а глаза горели безумным блеском. Ещё не почувствовав подвоха, я жадно припала к стакану. После первого же глотка глаза мои наполнились слезами и изумлением.

— Что это? — спросила я, хватая воздух.

— Бурячиха! — ответила Райка и прыснула от смеха. — Гарна водичка? Девочки ещё долго смеялись. Развлечение удалось на славу!

Когда я попросила что-нибудь закусить, чтобы поскорее исправить ситуацию, Райка на той же тарелке принесла большой ломоть чёрного хлеба, посыпанный мелкой солью. Хлеб оказался чёрствым сухарём, и мне не удалось откусить ни кусочка. Это снова вызвало бурное веселье! Получив, наконец, настоящую воду, я выпила её залпом и тоже развеселилась. Уж не знаю, от чего именно. Возможно, подействовал самогон.

Татьяна РАЗУМОВСКАЯ

ВЕХИ ПАМЯТИ

АВГУСТ 1968

1 сентября мы собрались в нашем 4А классе, с интересом оглядывая друг дружку: кто-то фантастически вырос, кто-то приехал от бабушки из Молдавии или Украины загоревшим до цвета любимой конфеты «Мишка косолапый».

Не было только Сашки Ф., нашего ближайшего с Мишкой Б. друга. Мы звонили ему домой, но там как-то неопределённо отвечали, что Саша задержался на даче и скоро приедет.

Сашка появился недели через две. Он совсем не вырос, но вид имел важный и таинственный. Мы с Мишкой на него налетели с вопросами, но он шепнул: «В саду».

После уроков мы встретились в Александровском саду, Сашка увёл нас на тихую аллею рядом с розарием, демонстративно повертел головой по сторонам («чтобы сторожихи не подслушали!»), подержал ещё театральную паузу — мы с Мишкой уже подпрыгивали от нетерпения и собирались надрать ему уши — и рассказал.

Его родная тётя вышла замуж за чеха и уехала в Чехословакию. И вот она прислала приглашение племянникам, и они вдвоём с сестрой Леной поехали на весь август в Прагу. А туда вошли советские танки. Танки стреляли, и многие были убиты, Сашка видел трупы на улице. А его героический дядя-лётчик поднимался над Прагой на вертолёт и разбрасывал листовки, где чехов призывали к сопротивлению. Поезда в Россию не ходили, самолёты не летали, и они с Леной добирались на каких-то попутках до Германии, а уже оттуда на поезде приехали в Москву, а затем в Ленинград.

Мы с Мишкой слушали, распахнув глаза и рты. Сашка был фантастическим вруном, талантливым, вдохновенным. Он постоянно рассказывал всякие невероятные истории, которые случились с ним самим. Мы знали, что он врёт, кричали ему: «Врун!» — и жадно требо-

вали продолжения рассказа. Во вранье Сашка не признавался никогда, добавлял красочных подробностей и клялся, что все его рассказы — правда.

Но эта история — была уже запредельным враньём, начиная с тёти, которая жила в Праге, и каникул где-то за границей. Такого просто не бывает! Мы с Мишкой задали кучу каверзных вопросов, надеясь, что Сашка где-то да проколется. Но он не прокололся ни разу.

А потом на наших домашних магнитофонных бобинах с песнями Галича зазвучала новая.

«Граждане, Отечество в опасности!
Наши танки на чужой земле!»

НЕМНОГО О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

В середине первого школьного года, когда мы все уже научились красиво выводить буквы, нам торжественно принесли первые в жизни библиотечные формуляры — для школьной библиотеки.

Заполняли мы их все вместе, в классе.

Наша учительница Валентина Алексеевна, молоденькая и хорошенькая блондинка, чем мы все страшно гордились, образец заполняла на доске.

Фамилия, имя, 1А класс. Дальше шёл пункт: национальность.

Валентина Алексеевна сказала:

— Мальчики пишут «русский», девочки — «русская».

И написала оба слова на доске. Все переписали, и я тоже.

Обернувшись, я вдруг увидела, что Леночка Рубинштейн, сидящая за мной, написала вместо «русская» — «еврейка».

Придя домой, я весело сказала:

— Знаете, папа, мама, у нас в классе все русские, а Леночка Рубинштейн — еврейка!

Родители переглянулись.

— Понимаешь, — осторожно сказал папа, — ты тоже еврейка.

Реакция у меня была мгновенная: я разрыдалась. Я понятия не имела, что такое «еврейка», я и вообще тогда впервые услышала это слово. Но я точно знала, что русская — это хорошо, прекрасно, это как все. А тут у меня это отобрали. Значит, я какая-то не такая, не своя, что я — хуже...

Не помню объяснений родителей.

...Поверьте, я хорошо отношусь к России, и в частности к русской литературе, но к сожалению, "Титаник" так некстати утонул вместо вашей "Авроры", не так ли? Кто-то мне сказал, что грешные россияне после смерти снова попадают в Россию...

Игорь Михалевич-Каплан

...Из-за угла вышел Иегошуа Га-Ноцри, босой, в рваном хитоне. На закорках у него сидели Мастер и Маргарита, а на поводке, как пес, бежал очень маленький Понтий Пилат, стуча золотым копьём.

— Спасибо вам, господин Курицкис, — божественным голосом сказал Иегошуа Га-Ноцри. — Век вам этого не забуду.

Понтий Пилат, насупившись, ковырял копьём в носу. Прекрасная Маргарита из-за плеча Иегошуа подмигивала смущенному Родиону, но Мастер, в полосатой пижаме и зашпаленном берете, смотрел на него брюзгливо и совсем без любви. Туристы, лопоча на нерусском языке, верещали камерами...

Михаил Вайскопф

*Мне пора — может, где-то в случайном кафе,
В нарочито гламурном, уютном глянце,
Ждёт в нелепом, смешном кашне
Судьбоносная строчка в моей строфе,
Чашкой грея озябшие в кольцах пальцы...*

Олег Максименко

...Я остановился всего-то за тридцать долларов в роскошных апартаментах на тридцатом этаже и наблюдал за абсолютно пустынным, но хорошо освещённым городом. Где-то в три ночи раздался сигнал воздушной тревоги, я позвонил на ресепшн на первом этаже.

— Да, у нас есть бомбоубежище, но идти туда не надо. Киевляне давно уже поняли, что вероятность попадания бомбы ничтожна. Расслабьтесь и спите дальше!

На следующее утро я вместе со своим киевским приятелем Дмитрием отправился гулять по Киеву. Немногие напоминания о войне — обложенные мешками, защищающими от бомбардировок, исторические памятники, а также разбитая российская военная техника, выставленная на Михайловской площади в центре города и исписаная надписями на украинском, нередко перемешанными с русским матом. Мне запомнилась такая надпись на разбитом российском танке: "Киев Русь крестил, он ее и отпоет"...

Игорь Ротарь

*А одно из постыдных твоих, Диоген,
Заблуждений-чудацеств —
Это вера в наличие у злобных гиен
Человеческих качеств.*

Марк Вейцман

...В такси мы едем по Невскому проспекту. Он производит на меня довольно скромное впечатление. Квартира Миши на третьем этаже здания в стиле "либерти". Лестница грязного цемента с пустыми мусорными ведрами у дверей. Пахнет так, словно здесь прошло стадо верблюдов, истощенных переходом через Аравию. Лифт не работает. Он в клетке, железная решетка которой в сталактитах сырой, осевшей на ней пыли. В квартире старая мебель. Из заставленных цветочными горшками окон, выходящих во двор, видно облезлое трехэтажное здание. Мне нравится живописное убожество, окружающее нас...

Тонино Гуэрра